

Литрес ≡ Классика

Михаил Булгаков

О ПОЛЬЗЕ
АЛКОГОЛИЗМА.
ФЕЛЬЕТОНЫ

Михаил Афанасьевич Булгаков

О пользе алкоголизма.

Фельетоны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74422211

Аннотация

Яркое созвездие ранней сатиры, обнажающее нелепости советского быта 1920-х годов. Герои фельетонов виртуозно сражаются с бездушной бюрократией, фиктивно женятся ради пайка и путаются в гербовых печатях. Меткие карикатурные зарисовки из газетной практики писателя, не потерявшие актуальности и сегодня.

Содержание

О пользе алкоголизма	4
Свадьба с секретарями	11
Как Бутон женился	14
Буза с печатями	18
Караул!	22
Глава 1. Альберт	23
Глава 2: Имена их ты, господи, веси	26
Шпрехен зи дейтч?	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Булгаков

О пользе алкоголизма.

Фельетоны

О пользе алкоголизма

На собрание по перевыборам месткома на ст. N член союза Микула явился вдребезги пьяный. Рабочая масса кричала: «Недопустимо!», но представитель учка выступил с защитой Микулы, объяснив, что пьянство – социальная болезнь и что можно выбирать и выпивая в состав месткома.

Рабкор 2619

Пролог

– К черту с собрания пьяную физиономию. Это недопустимо! – кричала рабочая масса.

Председатель то вставал, то садился, точно внутри у него

помещалась пружинка.

– Слово предоставляется! – кричал он, простирая руки, – товарищи, тише!.. Слово предостав... товарищи, тише! Товарищи! Умоляю вас выслушать представителя учк...

– Долой Микулу! – кричала масса, – этого пьяницу надо изжить!

Лицо представителя появилось за столом президиума. На учкином лице плавала благожелательная улыбка. Масса еще поволновалась, как океан, и стихла.

– Товарищи! – воскликнул представитель приятным баритоном.

– Я представитель! И если он – Волна! А масса вы – Советская Россия, то учк не может быть не возмущен, когда возмущена стихия!

Такое начало польстило массе чрезвычайно.

– Стихами говорит!

– Кормилец ты наш! – восхищенно воскликнула какая-то старушка и зарыдала. После того, как ее вывели, представитель продолжал:

– О чем шумите вы, народные витии?!

– Насчет Микулы шумим! – отвечала масса.

– Вон его! Позор!

– Товарищи! Именно по поводу Микулы я и намерен говорить.

– Правильно! Крой его, алкоголика!

– Прежде всего перед нами возникает вопрос: действи-

тельно ли пьян означенный Микула?

– Ого-го-го-го! – закричала масса.

– Ну, хорошо, пьян, – согласился представитель. – Сомнений, дорогие товарищи, в этом нет никаких. Но тут перед нами возникает социальной важности вопрос: на каком таком основании пьян уважаемый член союза Микула?

– Именинник он! – ответила масса.

– Нет, милые граждане, не в этом дело. Корень зла лежит гораздо глубже. Наш Микула пьян, потому что он... болен.

Масса застыла, как соляной столб.

Багровый Микула открыл один совершенно мутный глаз и в ужасе посмотрел на представителя.

– Да, – милейшие товарищи, пьянство есть не что иное, как социальная болезнь, подобная туберкулезу, сифилису, чуме, холере и... Прежде чем говорить о Микуле, подумаем, что такое пьянство и откуда оно взялось?... Некогда, дорогие товарищи, бывший великий князь Владимир, прозванный за свою любовь к спиртным напиткам Красным Солнышком, воскликнул: «Наше веселие есть пити!»

– Здорово загнул!

– Здоровее трудно. Наши историки оценили по достоинству слова незабвенного бывшего князя и начали выпивать по малости, восклицая при этом: «Пьян, да умен – два угодя в нем!»

– А с князем что было? – спросила масса, которую заинтересовал доклад секретаря.

– Помер, голубчики. В одночасье от водки сторел, – с сожалением пояснил всезнайка-секретарь.

– Царство ему небесное! – пискнула какая-то старушечка. – Хуть и советский, а все ж святой.

– Ты религиозный дурман на собрании не разводи, тебя, – попросил ее секретарь, – тут тебе царств небесных нету. Я продолжаю, товарищи. После чего в буржуазном обществе выпивали девятьсот лет подряд, всякий и каждый, не щадя младенцев и сирот. «Пей, да дело разумеи», – воскликнул знаменитый поэт буржуазного периода Тургенев. После чего составил ряд пословиц народного юмора в защиту алкоголизма, как-то: «Пьяному море по колено», «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», «Не вино пьянит человека, а время», «Не в свои сани не садись», и какие, бишь, еще?

– Чай не водка, много не выпьешь! – ответила крайне заинтересованная масса.

– Верно, мерси. «Разве с полведра напьешься». «Курица и та пьет». «И пить – умереть, и не пить – умереть». «Налей, налей, товарищ, заздравную чару!...»

– Бог зна-е-ет, что с нами случится, – подтянул пьяный засыпающий Микула.

– Товарищ больной, прошу вас не петь на собрании, – вежливо попросил председатель, – продолжайте, товарищ оратор.

– «Помолимся, – продолжал оратор, – помолимся Творцу, мы к рюмочке приложимся, потом и к огурцу», «господин

городовой, будьте вежливы со мной, отведите меня в часть, чтобы в грязь мне не упасть», «неприличными словами прошу не выражаться и на чай не выдавать», «февраля двадцать девятого выпил штоф вина проклятого», «ежедневно свежие раки», «через тумбу, тумбу раз»...

– Куда?! – вдруг рявкнул председатель.

Пять человек вдруг, крадучись, вылезли из рядов и шмыгнули в дверь.

– Не выдержали речи, – пояснила восхищенная масса, – красноречиво убедил. В пивную бросились, пока не закрыли.

– Итак! – гремел оратор, – вы видите, насколько глубоко пронизала нас социальная болезнь. Но вы не смущайтесь, товарищи. Вот, например, наш знаменитый самородок Ломоносов восемнадцатого века в высшей степени любил поставить банку, а, однако, вышел первоклассный ученый и товарищ, которому даже памятник поставили у здания Университета на Моховой улице. Я бы еще мог привести выдающиеся примеры, но не хочу... Я заканчиваю, и приступаем к выборам...

Эпилог

«...после чего рабочие массы выбрали в кандидаты месткома известного алкоголика, и на другой же день он сидел пьяный, как дым, на перроне и потешал зевак анекдотами, рассказывая, что разрешено пить, лишь

бы не было вреда».

(Из того же письма рабкора)

Свадьба с секретарями

(Подлинное письмо рабкора Толкача)

Пардон! Что письмо мое, дорогие товарищи редактора, не носит столичного характера, а узкоместный. Однако если бы не существовал на свете «Гудок», знаменитый обличитель всех, то моя статья-заметка погибла бы в пучине неизвестности благодаря существованию нашей стенной газеты, в редакционную коллегию каковой входит как раз ниже описанная мною личность – номер первый. А не дурак же он! Чтобы сам про себя помещал обличающую корреспонденцию во весь рост!

Нет, далеко не дурак, и в частности в смысле самогона.

Итак, в нашем богоспасаемом Льгове II я проходил в компании комсомольцев и беспартийных, и разговаривали мы о поднятии производительности в республике, как слух наш был поражен звуками трубного оркестра, урезавшего марш «На сопках Маньчжурии» на весь Льгов II. Осмотревшись, мы убедились, что оркестр происходит из железнодорожника Харченко, квартирующего здесь. Тут же мы констатировали факт свадьбы в доме обозначенного Харченко на антирелигиозной основе. Интересуясь антирелигиозным браком, мы, прильнув к освещенным окнам, разглядели в бездне бес-

партийной молодежи и разлагающихся стариков лица:

- 1) секретаря ячейки РКП т. Полякова,
 - 2) бывшего секретаря ячейки комсомола,
- причем на обоих лицах, как бывшего, так настоящего, была написана жажда.

Пораженные, мы стали ждать, что она обозначает, причем комсомолец Сеня заметил:

– Я знаю, чего Поляков затесался сюда, специально для проведения свадьбы. Погодите, ребята, сейчас он выступит с речью, причем вы все ахнете, до того он изумительно красноречив.

И мы задержались, облепив окна, как гроздья винограда.

И хозяин Харченко вручил П. и бывшему секретарю по громадной чарке самогона, вызвав страшный хохот в беспартийной массе, любовавшейся свадьбой под окнами, и разные слова, как-то:

– Хороши наши секретари. Они, оказывается, ждали самогону, как вороны крови.

И тут я, сгорая от стыда, услышал антирелигиозную речь П., содержание коей я немедленно занес в свою записную книгу дословно:

– Здоровье новобрачных! Ура!

И затем после второй чарки самогона:
– Горько! Горько!

После чего под громовой хохот все напились.

Я прямо краснею. Толкач

*Письмо списал МИХАИЛ
«Гудок», 18 апреля 1925 г.*

Как Бутон женился

В управлении Юго-Западных провизионки выдают только женатым. Холостым – иши. Стало быть, нужно жениться. Причем управление будет играть роль свахи.

Рабкор № 2626

А не думает ли барин жениться.

Н. В. Гоголь («Женитьба»)

Железнодорожник Валентин Аркадьевич Бутон-Нецелованный, человек упорно и настойчиво холостой, явился в административный отдел управления и вежливо раскланялся с провизионным начальством.

– Вам чего-с? Ишь ты, какой вы галстук устроили – горошком!

– Как же-с. Провизионочку пришел попросить.

– Так-с. Женитесь.

Бутон дрогнул:

– Как это?

– Очень просто. ЗАГС знаете? Пойдете туды, скажете: так, мол, и так. Люблю ее больше всего на свете. Отдайте ее мне, в противном случае кинусь в Днепр или застрелюсь. Как вам

больше нравится. Ну, зарегистрируют вас. Документики ее захватите, да и ее самое.

– Чьи? – спросил зеленый Бутон.

– Ну, Варенькины, скажем.

– Какой... Варенькины?..

– Машинистки нашей.

– Не хочу, – сказал Бутон.

– Чудачина. Желая добра тебе говорю. Пойми в своей голове. Образ жизни будешь вести! Ты сейчас что по утрам пьешь?

– Пиво, – ответил Бутон.

– Ну, вот. А тогда шоколад будешь пить или какао!

Бутон слегка стошнило.

– Ты глянь на себя в зеркало Управления Юго-Западных железных дорог. На что ты похож? Галстук, как бабочка, а рубашка грязная. На штанах пуговицы нет, – ведь это ж безобразие холостяцкое! А женишься, – глаза не успеешь продрать, тут перед тобой супруга: не желаете ли чего? Как твое имя, отчество?

– Валентин Аркадьевич...

– Ну, вот, Валюша, стало быть, или Валюн. И будет тебе говорить: не нужно ли тебе чего, Валюн, не нужно ли другого, не нужно ли тебе, Валюша, кофейку, Валюше – то, Валюше – другое... Взбесишься прямо!.. То есть что это я гово-

рю?.. не будешь знать, в раю ты или в Ю.-З. же-де!

– У ней зуб вставной!

– Вот дурак, прости Господи. Зуб! Да разве зуб – рука или нога? Да при этом ведь золотой же зуб! Вот чудачина, его в крайнем случае в ломбард можно заложить. Одним словом, пиши заявление о вступлении в законный брак. Мы тебя и благословим. Через год зови на октябрины, выпьем!

– Не хочу! – закричал Бутон.

– Ну ладно, вижу, вы упрямец. Вам хоть кол на голове теши. Как угодно. Прошу не задерживать занятого человека.

– Провизионочку позвольте.

– Нет!

– На каком основании?

– Не полагается вам.

– А почему Птюхину дали?

– Птюхин почище тебя, он женатый!

– Стало быть, мне без провизии с голоду подышать?

– Как угодно, молодой человек.

– Это что же такое выходит, – забормотал Бутон, меняясь в лице. – Мне нужно или жизни лишиться с голоду, или свободы моей драгоценной?!

– Вы не кричите.

– Берите! – закричал Бутон, впадая в истерику, – жените, ведите меня в ЗАГС, ешьте с кашей!! – и стал рвать на себе сорочку.

– Курьер! Зови Вареньку! Товарищ Бутон предложение

им будет делать руки и сердца.

– А чего они воют? – осведомился курьер.

– От радости ошалел. Перемена жизни в казенном доме.

МИХАИЛ

"Гудок", 28 апреля 1925 г.

Буза с печатями

– Придется мне к месту моего жительства ездить, – сказал младший агент охраны Уткин Василий, – видно, не миновать мне начальству писать прошение.

Уткин Василий вооружился химическим карандашом и начертил некрасивыми буквами такое:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

*начальнику 2-й команды 3-го района охраны грузов
Сев.-Зап. ж. д.*

*Товарищ начальник, прошу вашего ходатайства о
выдаче мне сезонного проездного билета от станции
Медведево – места моей службы – до ст. Едрово –
местожительства.*

*Младший агент охраны грузов
Уткин Василий»*

Взяв с собой произведение своей руки, Уткин Василий отправился в Едровский сельсовет и сказал председателю:

– Заверь мне, милый человек, заявленьице!

Председатель сельсовета жидким чернилом на обороте уткинского произведения написал так:

*«Подпись руки Василия Уткина Едровский сельсовет
удостоверяет.*

Председатель Васячкин».

Засим Уткин Василий направился в волостной исполком и вышел из него, имея на своей бумаге еще одну приписку, пониже на две строчки:

*«Изложенное и подпись предсельсовета Васячкина
Едровский ВИК удостоверяет.*

Предвика (подпись неразборчива).

Секретарь (подпись совершенно неразборчива)».

Кроме того, на бумажке Уткина Василия помещались две печати: одна в левом верхнем, другая – в правом нижнем углу. Печати были очень красивые, круглые, синие, и в центре их помещалась закорюка, отдаленно напоминающая изображение серпа и молота.

– К кому бы еще пойти заверить? – рассуждал сам с собой Уткин Василий. – Впрочем, больше ни к кому не надо. Подписей достаточно, и парочка печатей. Правда, ни один леший не разберет, что на этих печатях, но это все равно.

* * *

Засим начались уткинские неприятности. По прошествии времени, которое полагается на волокиту и бюрократизм,

получил обратно от начальства Уткин свое заявление, на котором было написано красивым и бойким почерком:

«Ввиду неясной и неразборчивой печати в просьбе отказать и не выдавать до получения заявления, заверенного ясными печатями».

Уткин, по прошествии времени, которое полагается на то, чтобы обомлеть, пополз опять в сельсовет и из сельсовета в ВИК с новым заявлением. Повое заявление ему опять заверили и поставили те же самые печати.

По прошествии времени, которое полагается на бузу и волюнку, Уткин вновь получил от начальства своего заявление с резолюцией:

«Отказать за неясностью печати».

Уткин явился вновь в сельсовет и ВИК с новым заявлением, причем сказал:

– Видно, братцы, ваши печати делал Федя, на свою рожу глядя.

Уткину вновь поставили на бумаге Федины произведения искусства. Уткин отправил бумагу начальству, и по прошествии времени бумага явилась обратно с резолюцией, которая Уткину уже была хорошо знакома:

«Отказать за неясностью печати».

Тут Уткин сел на стул и заревел, как от зубной боли.

* * *

Чем все это кончится – неизвестно. Что вы, граждане, в самом деле, младшего агента охраны Уткина умучить хотите?!

Караул!

Ректору ГИЖа

Уважаемый товарищ ректор!

Пишу это на предмет полного искоренения нижеперечисленных лиц. В противном случае советской периодической прессе угрожает гибель со всеми ее приложениями. А лица эти по вашему ведомству.

Глава 1. Альберт

«Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня свалилась шляпа» – такое написал незабвенный писатель Антон Павлович Чехов. Но он это написал в «Жалобной книге», а не в книге со звучным и привлекательным названием «Под восточной звездой» (библиотека «Огонька»). Ее – эту книгу – можно иметь у любого газетчика за 15 коп., а в ней на стр. 9-й:

«...они не думают о том, что прямо из мавританских зал этого дворца им предстоит поездка через бурное море, прячась под кучей просолённых брезентов на палубе рабочей ихуны».

Это на 9-й странице, которая следует, как известно, за 8-й, а 8-я – роковая. До 8-й плыл автор Альберт Сыркин более или менее благополучно, а на 8-й плюнул, махнул рукой и перестал бороться с хитрым русским языком. И начались аварии:

«...нефть куда-то возилась в грязных цистернах»...

Протестую, как читатель, заплативший за «Звезду» 15 коп. Даже за такую ничтожную сумму ничего этого не может быть на свете, если и «возилась», то не куда-то, а если «куда-то», то не «возилась». А возили ее, проклятую нефть! Возили ее! Возили!! Она – неодушевленная дрянь.

Положим, глагол каверзный. Вообще путаница и непонятно.

«...Он не захотел ехать в Москву, а вызвался дипломатическим курьером в Карс!»

Может быть два решения: или не хватает четырех слов, сам вызвался поехать в качестве дипломатического курьера, или – что ужаснее всего – не нефтяной ли это истории повторение: «его вызвали»? (Вызвался – вызвали, как возилась – возили?)

О, если так! Тогда Альберту очень плохо в волнах русского языка. И ему действительно нехорошо, и именно на стр. 10-й:

«Энвер-Паша – бывший диктатор Турции, руководитель армянских резней...»

Энвер-Паша – плохой человек, но множественного числа у слова «резня» нет. Это печально. Русский язык недостаточно усовершенствован, но нету. Слову «резь» посчастливилось, – имеет «рези», но они не всегда армянские.

Армянская же всегда резня, сколько бы раз негодяй Энвер ее ни устроил. Кстати, об армянах: слова «порядконаводитель» (стр. 17) нету тоже. Слово «консула», если говорить откровенно, заменено в русском языке словом «консулы». «Лы». Что может быть ничтожнее! А между тем меняет все!

Или: «*Год до него погиб...*» (стр. 11). Нет, не погибал! За год до него он погиб! (Речь идет о бароне Унгерне фон Штернберге.)

Здесь уместно (барон... паша) вернуться к Энверу: никто не поверит Альберту Сыркину, что Энвер ходил в серой барашковой шапке с эскортом подобострастных адъютантов.

Какой ты подобострастный ни будь, нет такой шапки на земном шаре!

А если бы и была, то находилась бы она не на Энвер-Паше, а в Кремле, рядом с царь-колоколом и пушкой. Царь-шапка.

Альберт открыл миллионы «*малярийных бацилл*» на стр. 13-й. Нету малярийной бациллы в природе, и нечего на нее клеветать. Никакая бацилла малярии не вызывает.

Но не бывает там разных выражений – как-то: «...*Флаги их гордо ежедневно полоскались над унылыми стенами*» (стр. 21) и «...*помогающем созидаться и строиться пробуждающемуся Востоку*» (стр. 19), и «...*скоро затем опять шатался со мной по Закавказью*» (стр. 17). Не бывает, чтобы *пробирались делегаты по бурному Черному морю, «окутанному сплошной сетью плавучих мин...*» (стр. 9). Восьмое чудо такие мины, которые, будучи плавучими, сетью окутывают.

Одним словом, такая книжка не стоит 15-ти копеек.

Глава 2: Имена их ты, господи, веси

Но куда же «Восточной звезде» до «Вечерней Москвы».

Компании захотел – ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда, значит, на небе, так вот как на ладони все видишь!

Это Николай Васильевич Гоголь про «вечорку» сказал. Только он не знал, что в ней не один кавалер, а несколько, и каждый из них рассказывает изумительные вещи. Про пуговицы из крови и про памятник собаке, про новоизобретенную самим же кавалером теорию происхождения рака и про дерево-людоед, про золотую лихорадку и о том, какая погода будет на земном шаре через 1 миллион лет.

Пища эта может удовлетворить самую жадную любознательность. Но только «одногодовалого» ребенка, как назло, не существует. Бывает двухгодовалый, возможен трехгодовалый, и несомненен «годовалый», хотя бы его и напоили бензином вместо лекарства. Можно поверить и в кавалерские рассказы об омоложенном миллионере, спившемся от радости, но ни в коем случае нельзя верить, что *«вчера днем по густому дыму, замеченному с каланчи в районе Останкино, выехала Сухаревская часть»* (№ 94). Что Сухаревские пожарные – лихие ребята, известно всем, но такая штука и им не под силу! Сухаревский брандмейстер – не Илья-пророк.

Кавалер «Ю.Л.» побывал на выставке птиц. Обливаясь кровавым потом, сочинял Ю.Л. отчет об этой выставке (№ 92) и все-таки жертвой пал в борьбе с роковой. *«Обращают внимание бронзовые и белые индейки»* – написал предвиденный автором «Ревизора» персонаж – любитель выставок, и не добавил, «на кого» или «на что» обращают свое внимание поразившие его птицы. Хуже, чем «Ю.Л.у», пришлось «Приму», побывавшему «На берегах Юкона». Прим хотел поделиться с публикой ощущениями, полученными им от картины и игры какой-то актрисы, и сделал это таким образом:

«В ней, как всегда, впечатляет грубоватая простота»...

– Черт знает что! И чина нет такого! Одним... Одним словом, так больше невозможно.

Прошу их усмирить.

«Журналист», 1925, № 6–7

Шпрехен зи дейтч?

В связи с прибытием в СССР многих иностранных делегаций усилился спрос на учебники иностранных языков. Между тем новых учебников мало, – а старые неудовлетворительны по своему типу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.